

Неотъемлемый и необходимый элемент зданий и сооружений – лестница – рассматривается не с обычных позиций нормирования и конструирования, но в презумпции самостоятельного и независимого от нашей воли существования, как если бы мы ничего не знали о лестницах и, впервые встретившись с ними, начали их удивленно и вдохновенно осваивать. Представляется, такой взгляд способен открыть новое в привычном.
 Ключевые слова: лестница; ступени; мифопоэтика архитектуры; феноменология архитектуры; смысл в архитектуре. /

Being an integral and necessary element of buildings and structures, stairs is considered not from the common point of view of regulation and construction, but in the presumption of the existence independent of our will, as if we knew nothing about stairs and, first seeing them, began to master them with surprise and inspiration. It seems that such a view is capable of discovering the new in the familiar.

Keywords: stairs; steps; mythopoetics of architecture; phenomenology of architecture; meaning in architecture.

Лестница. Труд и счастье в архитектуре / Stairs. Labour and happiness in architecture

текст

Петр Капустин

Воронежский государственный технический университет /

text

Petr Kapustin

Voronezh State Technical University

Грезы

Somnis scalam stantem – так называли лестницу латиняне: для них близость лестницы и грезы была очевидна. И греза, мечта, сон (somnus) ведут, конечно, вверх.

Онейрические фантазии о лестницах наиболее сильны у детей, выросших в одноэтажных домиках и попавших к 7–10 годам в многоэтажное здание, например, школу (прим. 1).

Этот перебор одинаковых ступеней... Он слишком рационален и логичен для онейрического. От нудной логики можно ведь и проснуться. Оттого снится лестница в своих измененных состояниях, особенно если имеет место фиксация взгляда, внимания на ней, а не простое, естественное и «функциональное» использование. Тогда она теряет ступени, марши, перила или приобретает лишние, сужается до невозможности идти двумя ногами или расширяется до горизонта; в ней уже нельзя найти повторы, ритм и метр, одинаковые ступени или надежные пропорции... Лестница играет с нами в «королевский крокет» Л. Кэрролла.

Один онейрический авторитет лестницы уже мог бы высоко держать ее статус в мифопоэтике архитектурных элементов. Лестница в этом статусе могла бы рассматриваться как форма сильная, самодостаточная, автономная настолько, что все остальное в зданиях могло бы лишь дополнять ее, служить ей. Домá можно было бы строить ради одних только лестниц.

Итальянское «Scala» – лестница, шкала, измерение пути и нас, идущих по нему, нашего подъема или спуска. Но нет таких устойчивых систем знаний и практики, где лестница была бы достаточно автономна и эталонна (кроме сонников и прочих духовидческих сочинений). Напротив, лестницы служат; измеряют не они, а их; с XX века их служба строго нормирована и регламентирована, там шагу нельзя ступить без ГОСТа и СНиПа.

Лестницы, несомненно, самый «функционалистский» элемент архитектуры. Хоть и возможны лестницы как декор или имитация, но такое случается с ними гораздо реже, нежели со стенами, порталами, арками. Мы пишем «функционалистский», но не функциональный, поскольку здесь важнее коннотировать причастность к идефиксу «функция», чем указать на пользу или «работу».

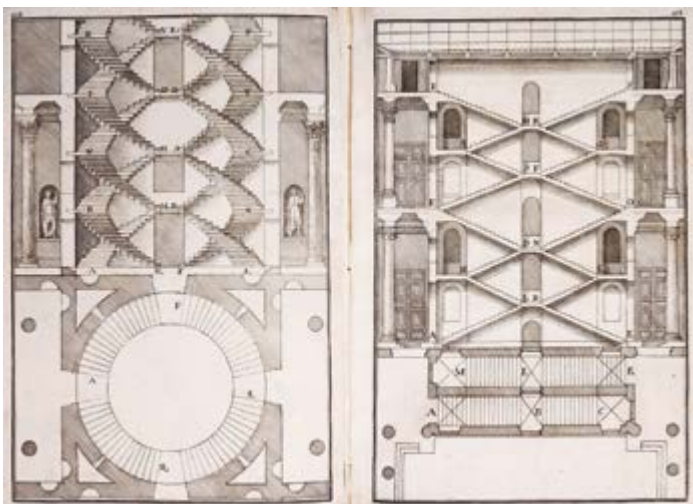
Работы у лестницы очень много. Среди лестниц встречаются все сословия: дворяне, военные, пожарные, слуги, кухарки, грузчики... Лестница, неся свою «функцию», тем самым соглашается быть частью целого – собственно элементом. Но с нею случаются чудеса. Она вспоминает вдруг не о функции, но о миссии своей, становится враз той частью, что равна целому, заполняет собою целое, вытесняя прочее: Вавилонская башня (реальная и мифологическая), зиккураты Месопотамии, пирамиды Мезоамерики... Такие сооружения убедительно воплощают дух лестничной автономии, вырвавшийся на свободу. Самодостаточность тут граничит с самодовольством, но плата за свободу – метаморфоза: Лестница становится Башней. Лестница-на-Небо – предел лестничной гордыни, конец ее порыва на грани утраты всех смыслов, кроме одного – подъема. И только гнев богов не позволяет Лестнице состояться как типу здания.

Приходится спускаться на землю и служить: где-то скромно и едва заметно, где-то не без пафоса и с намеками на причастность к «небесному». Служба лестниц (прим. 2) строга и целесообразна, однообразна и даже уныла (стоит ли удивляться тяге к онейрическому, к фантазии и мифу!). Лестницы – рыцари Архитектуры, ее верные мушкетеры. Но в спартанской дисциплине их гарнизонов тайно культивируются экзотические цветы романтического воображения. Лестницы постоянно топчут, но о них же и грезят.

Метаморфозы

Декоративное применение лестниц является, вероятно, проявлением комплекса вины перед ними: так относятся к певчей птичке в клетке (прим. 3). Декоративность, разумеется, редко мешает их прямому использованию, скорее напротив: в глазах декораторов она долженствует повысить некую... субъективную заинтересованность лестницы, принужденной к исполнению функции. Здесь лестницы – генералы и куртизанки! Их изящно завивают, одевают в мундиры или пестрые одежды или хотя бы вызывающе красят. Их ритм намеренно сбивают, ставят им подножки и ставят на котурны. Лестница превращается в знак, в иероглиф, не обязательно означающий саму лестницу, подъем или вообще хоть что-либо означаю-

^ Рис. 1. Лестница – базовый сюжет Casa Malaparte – постройки, традиционно приписываемой авторству Адальберто Либера. Во-площение Felicita! Капри, 1937

^ Рис. 3. Чертежи лестниц из трактата Андреа Палладио «Четыре книги об архитектуре». 1570

^ Рис. 4. Лестница в Palazzo Reale. Архитектор Джузеппе Пьермарини. Милан, 1773–1778

щий. Не сказать, чтобы лестницы от всего этого умирали, но архетип Лестницы, стоящий за всеми ними, наблюдающий эти наши прыжки и ужимки, – он точно помирает со смеху.

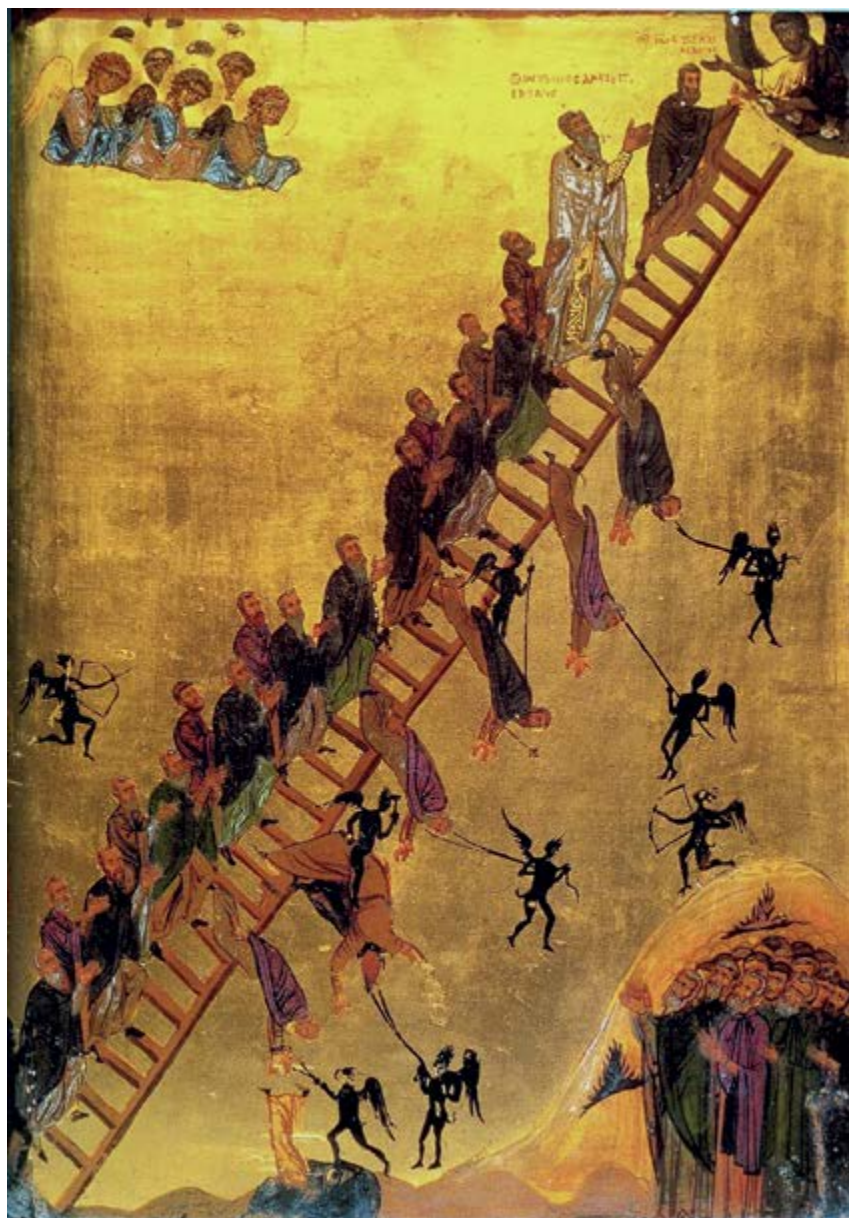
Оттого так сильна чистая – белая – лестница с постоянным метром ступеней, с простыми и однородными перилами (или вовсе без оных). Или стремительная, зажата между свободно стоящих стенок. Такую лесенку однажды соорудил Альдо Росси в Перудже, и это было откровением. Такая не только выглядит надежной и приглашает ступить на нее, но просто вводит нас в состояние гомеостаза, в которое мы приходим при каждой встрече с архетипом.

Модное ныне стремление сделать лестницу эфемерной, избавить от бремени вещности и телесности идет во вред ее природе и субстанциальности. В отличие от Лабиринта [1], другого излюбленного героя архитектурной онейронавтики, Лестница истаивает при приближении к своему нематериальному эйдосу. Однако указанное стремление, кажется, неодолимо, ведь лестница интересна архитекторам и дизайнерам своими страданиями *rag excellence*.

Нельзя обойти молчанием лестницы винтовые. Их изобретение было гениальным поступком, позволившим подниматься с ничтожной площадки на большую высоту, давшим доступ к фонарям куполов и капителям гигантских полых колонн и сделавшим возможными колокольни, минареты, иные башни. Но как были винтовые лестницы неудобными в седой древности, таковыми остались и сегодня. Применение их в домах и общественных зданиях – торчащими из дыры в перекрытии сверлами, окруженными пустым и бессмысленным «пространством», – не более чем дурная привычка (увы!) чрезвычайно распространенная. Дизайнерские изыски или декор иногда спасают их, драматургия вертиго может закрутить существенную часть интерьера, как в Шамборском замке, или быть уравновешенной обратной спиралью, как там же. Но все это – способы лечения выдуманной болезни.

Отчего лестницам так особенно «повезло» с «креативными поисками» архитекторов и дизайнеров, ввергающими их в постоянные метаморфозы, если не сказать в метемпсихоз? В самом деле, представление о том, что у лестниц есть душа и что она ранима, кажется, совер-

в Рис. 2. Лестница Иоанна Лествичника. За банальной способностью лестницы вести как вверх, так и вниз кроется миссия предельного различия: совершенное Благо или абсолютное падение

^ Рис. 6. Ступени Казанского собора в Санкт-Петербурге. Фото Сергея Соколовского

^ Рис. 5. Кадр из фильма Альфреда Хичкока «Головокружение» (Vertigo). 1958

шенно недоступно архитектурному воображению. Душу мы готовы признать за уникальным зданием, на худой конец – за местом, ландшафтом. Такую душу мы видим прекрасной и описываем в прекраснотушных выражениях и образах. Остальное же рассматриваем как пластичный материал нашего самовыражения. Но призраки опер, привидения замков, змеи места и прочие inferнальные сущности, неосторожно разбуженные нашим сомнением, вовсе не испытывают благодарности к архитекторам, изгаляющимся в опусах по их неуспокоенные души. А уж что обитает под лестницей – в этом издревле признанном мистическом месте – лучше к ночи не упоминать... Лишая лестницу ее природы, изгоняя из нее сущность, мы рискуем дать место чему-то иному, природу чего совсем не знаем, от чего не защитит прозрачность и эфемерность конструкций, не спасет яркое освещение, убивающее все тени; не поможет даже бассейн с хлорированной водой под висющими в воздухе ступенями, как у Э. Сааринена в офисе GM в Детройте. У лестниц собственная гордость, они помнят миф о Вавилонской башне: надземная гордыня, надменность взгляда сверху вниз, искушающая многих, распространяется от библейского прототипа и на малые отблески его, даже и те, что едва отрываются от земной юдоли.

С чем бы не стоило экспериментировать, так это с лестницами! Впрочем, эксперименты эти довольно молоды – не старше сотни лет. Раньше лестницы уважали, их побаивались.

Стихии

Как бы ни были тяжелы иные лестницы, их стихия – воздух. Воздух роднит лестницы с аркадами и колоннадами, но не он является субстанцией этих форм. «Организация воздуха» – это, как пошутил А. К. Буков, не об архитектуре, а о пневматическом насосе. Скорее уж воздух организует лестницы, обволакивает их заботой и дыханием, светом и тьмою: ведь лестница – подчеркнута объемный, даже пространственный элемент архитектуры.

Лестница в ландшафте и лестница в клетке отличаются, как и птицы в подобных условиях. На рельефе у лестницы гораздо больше пластических и планировочных возможностей, она разворачивается свободно, но и спрос с нее

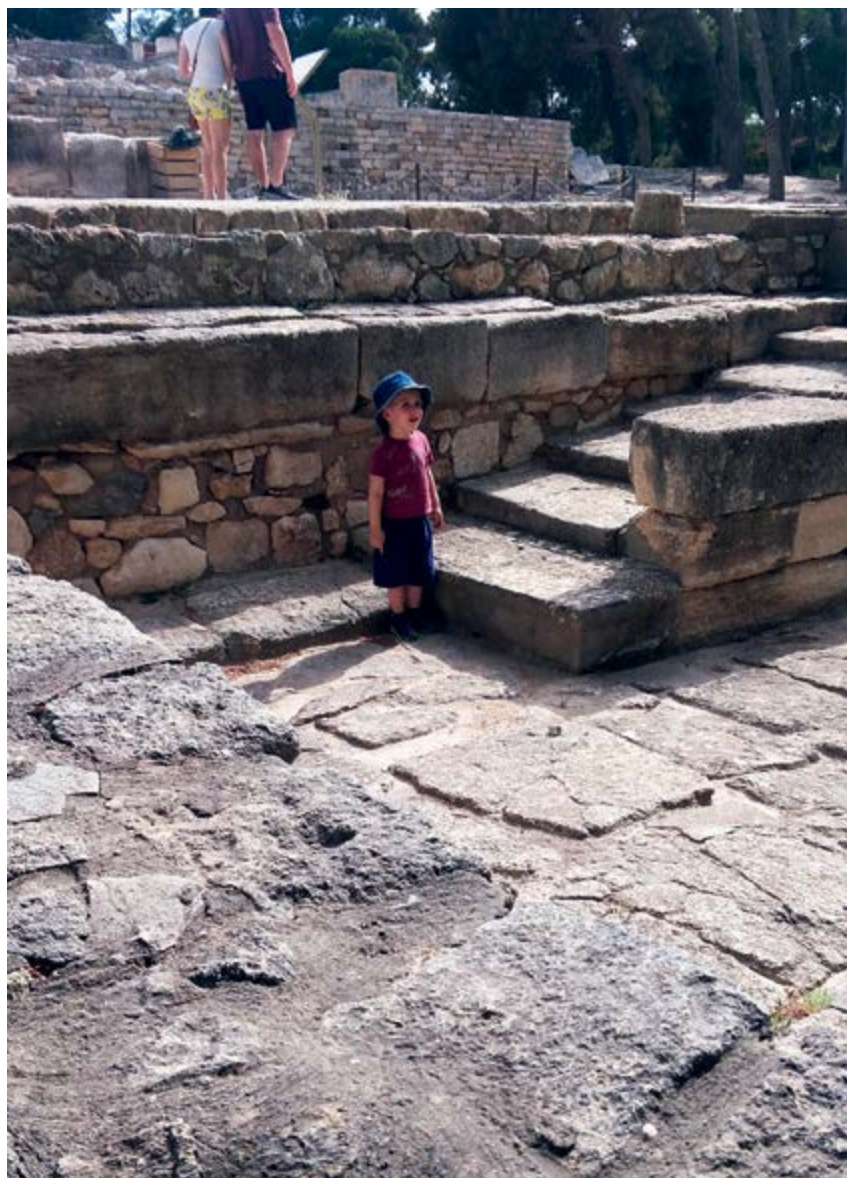

^ Рис. 8. Piazza del Vacio в Перудже. Альдо Росси. 1983

^ Рис. 9. Лестница в соборе Нотр-Дам. Париж. Фото Геннадия Ярославцева

v Рис. 7. Разномасштабные ступени Кносского дворца. Крит

большой: она видна со всех сторон, целиком, а значит – обязана быть красивой. Поставить такие же требования лестнице в структуре здания – значит, обеспечить ей хотя бы сносное подобие ландшафтных условий. Это достижимо в больших холлах, вестибюлях, пассажах и атриумах, в расширенных пространствах вертикальных коммуникаций – т. е. за счет преодоления лестничной клетки. Такое не всегда возможно и не всегда нужно, но, когда получается, возникают шедевры, вроде Лауренцианы, лестницы Парижской оперы, Ватиканского пандуса.

Клетка содержит в себе опасность при пожаре: связывая этажи, она связывает, множит и их уязвимость, концентрируя коммуникации – делает их заложниками случая. Винт, за счет объемной жесткости самонесущей конструкции, дает простор, но его пламенеющая эстетика не спасет от реального огня. Огонь вообще остается вне домашних стихий; он не стал позитивной субстанцией в архитектуре: ведь очаг, камин или печка – не устройства огненной стихии, не воплощения ее, как стена для камня или водопад для воды, но приборы утилизации ее оскопленной «пользы» (хотя бывает, что и они выходят из-под контроля). Когда стихия огня берет свое, лестницы первыми предают архитектуру и всех ее обитателей.

Отдельной главой в опыте о лестницах должны стать т. н. «ступенчатые колодцы» Индии. Это не столько колодцы (накопительные водоемы, пополняющие свои запасы во время дождей), сколько грандиозные лестничные орнаментации. Мой вузовский преподаватель любил выражение «вакханалия лестниц»; это как раз о них. Нет, никакой критики – чистый восторг! В этих сооружениях легко забыть, зачем пришел – до воды ли тут! А головокружение они вызывают даже больше, чем лестницы винтовые или изощренно гнутые. Здесь все ровно: чистая геометрия, но геометрии так много, ее правильность настолько безупречна, а ритмика столь навязчива, что они кажутся придуманными чертежником-параноиком. Эти чудесные сооружения показывают, насколько может быть выразительной простая линейная лестница. Впрочем, есть среди них и винтовые, круглые в плане. Но даже ровное полотно широкого спуска, глубоко уходящего в воду, потрясает. И чем меньше в ко-

^ Рис. 10. Фьезоле, монастырь Сан-Доменико. Одна из лестниц. Архитектор Маттео Нигетти. 1574

^ Рис. 11. Резиденция Olivetti в Венеции. Лестница холла. Карло Скарпа. 1957–1958

лодце воды, тем больше видны лестницы: их архитектура отнюдь не заинтересована в утолении народной жажды, их функциональность напускная. Вода в Индии мутная и зеленая, так что, освобождаясь от нее полностью, эти колодцы предстают в своем великолепии как кристальные воплощения архитектурной автономии.

Но начало истории лестниц, видимо, все же лежит на земле. В комплексе Кносского дворца можно увидеть широкий и длинный пандус, высеченный в скале. Угол его подъема в конце увеличивается, и естественные слои камня перерастают в искусственно выровненные, в ступени. Перед нами, возможно, первая лестница (по крайней мере, увидеть ее в Кноссе несравненно легче, нежели лабиринт). Успех изобретения закрепляется здесь же – в совершенной форме одномаршевой лестницы, устроенной в параллельных стенах и уже интегрированной в постройку.

Возникновение этажности в строительстве зданий, очевидно, шло через этапы чередующихся находок и их рефлексии. Постройки на различных уровнях (отметках) одного склона, частично объединенные общей конструкцией (стеной), могли сообщаться открытыми наклонными путями, переходящими в подобие ступеней на естественных неровностях рельефа. Далее – ступени, созданные искусственно. Потом – совмещение уровней постройки в одном «многоэтажном» (2–3 этажа) плане и размещение лестницы в структуре этого плана. Все это и можно видеть в Кносском дворце на Крите. Лестница не предшествовала изобретению этажа, она формировалась, пестовалась вместе с ним.

Жесты

В архитектуре – искусстве статики – лестница едва ли не одна коннотирует движение. Да еще, пожалуй, аркада, но та развертывается траверсом, без набора или потери высоты. Аркада шивает ландшафты, позволяя архитектуре накапливать массу, обретать объем, превышающий витрувианскую хижину. Лестница – та нить, которая шивает объемы: этажи, уровни, отметки.

Но сентенции – вроде «<...> лестницы были задуманы для того, чтобы перемещаться в пространстве...», находимые в Интернете – лживы, несмотря на свою

якобы очевидную здавомысленность (как раз из-за нее и лживы). Лестницы – не автомобили, не самолеты и даже не порталы для телепортации. Кстати, последнюю иногда называют нуль-транспортировкой, имея в виду исключение потерь времени на «перемещение в пространстве» и полное отсутствие ощущений: был там – стал здесь, и никакого «тогда» и «теперь». Лестницы именно не «нуль» в перемещениях: они не только требуют затрат времени и мышечных усилий, они еще и дарят протяженные, топические и темпорально насыщенные, чувственные впечатления. Последние могут не нравиться, но лестницы как ничто иное в архитектуре, напоминают нам о нашей телесности (оттого, видимо, они и снятся, что хорошо впечатываются в сознание и бессознательное, в мышечную и сенсорную память). Лестницы, видимо, задуманы для того, чтобы напоминать нам о бренности и намекать на возможность ее преодоления – пусть иллюзорную возможность, отсроченную и удаленную – но намекать весомо и убедительно, здесь и теперь, постоянно.

Лестница – то немного, что легитимно и осмысленно задает в архитектуре диагональ. Диагонали часто не хватает, а она, в самом деле, – «одно из самых сильных измерений архитектуры» (К. С. Мельников). Поэтому замена лестничных диагоналей на эффектные «винты» еще и попросту расточительна.

Широкие или узкие лестницы – не различие размеров, но разные характеры. У них разные смыслы, которые напоминают: подъем и спуск – не единственные смыслы лестниц. По узкой мы взлетаем (особенно в стенах и с открытым верхом/верхним светом). По широкой – переваливаемся, перетекаем: она рассеивает стремление к движению, провоцирует созерцательность. Широкая и фигурная в плане лестница и вовсе не обязывает вас по ней ходить: довольно и заинтересованного разглядывания, любования. Таковы лестница Лауренцианы великого Микеланджело или Испанская лестница в Риме. Узкую и изящную, даже восхитившись ею, оскорбишь, если пройдешь мимо; да по ней и трудно не взойти, даже если тебе туда не надо.

Несомненно, лестница – один из приемов вменения пути, направления движения в архитектуре. Архитектура вообще довольно жестка к поведению и его свободе,

^ Рис. 12. Один из примеров феноменологически превратной, но дизайнерски «выразительной» трактовки лестницы

^ Рис. 13. Лестница библиотеки Лауренциана. Микеланджело Буонаротти. Флоренция. 1525–1571

иногда и жестока. Однако, в отличие от коридоров, галерей, замощенных дорожек и мостов, в феноменологию лестниц органично входит и право выбора: вид открывающегося лестничного марша не столько навязывает вам предуготовленное движение, сколько предоставляет самую возможность подъема/спуска (или уж право остаться на своем уровне); и, если не спешить с выбором, а взглянуть в зрелище расходящихся тропок, можно и успеть что-то понять в себе и в том, что это такое – ваш путь. Можно не принять вызов лестницы, а можно пережить труды подъема и в итоге обрести счастье достигнутой лично вами высоты – выхода на верхнюю площадку, такую, как солярий в Casa Malaparte. Лестница, таким образом, – инструмент управления судьбой.

Что значит поворот при движении по лестнице? Так идут серпантином в гору, удлиняя путь, но уменьшая угол подъема. Поворот – отдых на площадке, иллюзия смены занятия. Что же, пропасть не перепрыгнуть за два прыжка (прим. 4), но на гору взойти за несколько коленцев можно, удобно. Лестничные марши структурируют подъем и спуск, придают им ритм и метр, переводят подвиг восхождения и грех нисхождения в разряд стандартных повседневных процедур – профанируют символическое содержание вертикальных проекций движения. Лестницы – универсальные утилизаторы трансцензуса, почти полностью утратившие событийность (ее еще удерживают эскалаторы и лифты за счет машинерии). Событийность возвращается им посредством специальных сценариев зрелища, оттого, видимо, столь любимых архитекторами. Однако такие игры дорого стоят, а их индивидуальность оставляет привкус насильственности. Но экономия (в т. ч. и экономия усилий), комфорт и норма делают свое дело: событие поворота и восприятия каждого нового марша как нового вызова – давно уже стандартизованный суррогат, доступный всякой типовой конструкции.

Главный жест на лестнице – шаг. «Все начинается с шагов. Их множество не складывается в четкие ряды. Они не поддаются статистике – у каждого свой голос, каждый ощущается и приводится в движение по-своему. Их оглушительная масса – это коллекция неисчислимых индивидуальностей. Благодаря шагам точки соприкасаются и пространства обретают плоть», – пишет

М. де Серто [2, с. 28]. В отличие от метафор духовного или интеллектуального восхождения («Лестницы идиотов» Гурджиева, например, или передвижения к выходу из Пещеры Платона), архитектурные лестницы не предполагают качественного перехода от ступени к ступени, когда каждый следующий шаг дается с большим и новым усилием – новым по типу. Напротив, их переходы сугубо количественные, а ступени в норме – одинаковые. Усилия также примерно одинаковы, если не учитывать усталость, это неотменное телесное переживание; не она ли и придает совокупности пройденных шагов качество «коллекции индивидуальностей», о которой пишет Серто? Собственно, перехода и нет (как есть он в случае моста – «мостового перехода»), есть дискретное нарастание количества пройденного и уменьшение оставшегося. Но эта тривиальная линейка не уничтожает ни эстетиче-

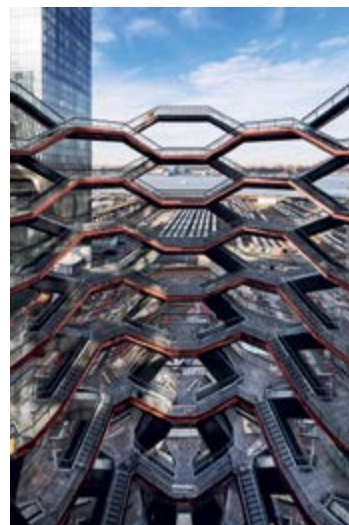

< Рис. 14. Главная лестница Парижской оперы. Архитектор Шарль Гарнье. 1860–1875

> Рис. 16. Ступенчатый колодец Чанд Баори. Индия. Строительство начато между IX и XI вв., закончено в XV в.

> Рис. 17. Vessel в центре района Hudson Yards на Манхэттене. Томас Хизервик. Нью-Йорк. 2019

ское, ни метафорическое достоинство лестниц; напротив, она завораживает, гипнотизирует. Лестницы, видимо, каким-то образом анестезируют и тело, и рефлексию, притупляют критицизм, что позволяет им подsunуть нам под ноги симулякр восхождения и заставить использовать его утилитарным способом, переживая и принуждение, и восторг. Лестница – редкий, пожалуй, уникальный симулякр, за которым мы согласны признавать всю полноту магического и художественного, духовного и эзотерического, гносеологического и онейрического, если не за этим вот конкретным, то за типом, за парадигмой. Реальные лестницы, в отличие от их идеологизированных литературных родственников, учат нас: восхождение,

как и нисхождение, могут быть незаметными, складываться из «малых дел», быть вопросом времени.

Лестница, даже если это структурированный пандус, как у Микеланджело на Кампидольо, настраивает на пересчет – шагов ли, ступеней ли, – то есть задает метр. Поэтому, в отличие от подъема по склону, подъем по лестнице не бесконечен, он психологически (не только эргономически) легче. Для спуска же здоровому и нестарому телу был бы удобней плоский склон (пандус, рампа), но уложить его в заданные размеры, совместить с лестницей получается далеко не всегда. Приходится спускаться по той же лестнице, «проваливаясь» на каждом шагу, ведь спуск и подъем несимметричны по антропомеханике. Спускаться по лестнице легко и красиво удается только Марике Рёкк в «Девушке моей мечты» и Обнаженной Марселя Дюшана.

Марш! Пролет! Ступень (ступай)! Какими поэтически и экспрессивными терминами оперирует Лестница! Но нам мало этой латентной экспрессии: нам нужна очевидная, интенсивная, быстро исчерпывающая собственные ресурсы в поисках все более сильной дозы. Лестница деградирует до аттракциона. Стоит ли удивляться: форсированная «выразительность» – единственное, что остается при вековой деградации плана содержания. Лестницам в этой возгонке досталось сильно, не меньше, чем стенам (прим. 5). Тектоника падет тут жертвой одной из первых, вслед за нею сразу же – субстанциальность, затем открытость к персонификации, а потом и сама подлинность.

Ценности

Лестница – редкий феномен, для которого достижение индивидуации не означает непременно и сохранение подлинности. Ее дизайнерские эйдоны далеко заходят в поисках привлекательности и индивидуальности, уходя от подлинности. Но их ли вина, что ценятся в последнее время лишь чувственные симулякры?

Лестницы подобны женщинам: можно лишь догадываться об их генуинной природе, раскрыть которую стремились века эстетизации Лестницы и эротизации Женщины. Но века, скорее, преуспели в другом – в усложнении до бесконечности задач постижения в камуфляже

> Рис. 15. Испанская лестница в Риме. Архитекторы Алессандро Спекки и Франческо де Санктис. 1721–1725

^ Рис. 18. Лестница в Casa del Fascio. Джузеппе Терраньи. Комо. 1932–1936

^ Рис. 19. Casa Malaparte. Капри. 1937

и макияже природы, «подчеркивание» и «выявление» которой лишь создает новые условия для ее ускользания. У лестницы, как и у женщины, эйдос не совпадает с архетипом; эталон использования (от витрувианской *utilitas*; такие эталоны задают ГОСТы, медицинские и прочие параметрические справочники) – с идеалом красоты (*venustas* Витрувия – привлекательность, прелесть, соблазнительность); сказочность повествования – с морфологией истины. Их природа лукава и двойственна (тройственна, множественна), их надежность (*firmitas*) идет рука об руку с их несогласием на функциональные интерпретации. За это мы их (лестницы) и любим. Оттого и видим во сне, не без жутки и удовольствия вступая в особый вид гипноэротомеханики.

Наконец, лестницы нередко сопровождают балюстрады, а они уже сами – стайки изящных женских ножек. Разумеется, всегда найдутся шутники, и здесь склонные к гротеску, но в своей классической норме балюстры (балясины) изящны и несказанно женственны; проблемы с ними, очевидно, ровно те же, что и проблемы у Женского в этом безумном мире.

Иметь дело с лестницами трудно, значительно труднее, чем представляется инженерно-конструкторскому или креативно-дизайнерскому сознанию. Лестница существует в довольно узком диапазоне возможного (оттого ее нормирование, в самом деле, имеет смысл). Хорошая лестница незаметна. Она, кажется, предпочла бы оставаться в недрах своего архетипа; она не любит, когда амбициозные личности ее оттуда извлекают и волокут на подиум дизайнерского тщеславия (случайно ли Л. Б. Альберти опасливо относился к женщинам и лестницам: статус папского секретаря обязывал?). Но, выйдя на сцену, лестница, как и иная женщина, преобразуется, расцветает, обнаруживает в себе и желание, и право быть примадонной. Кто способен запретить им это!

Не порывая со своей идеальной генетикой, лестница состоялась как вещь: ведь протяженность – атрибут вещи, а лестницы протяженны (пусть бы и насчитывали пару-другую ступеней). Протяженность означает несвободу от локализации, от телесности, от материала и места. Все это лестнице нужно принять в себя, осмыслить, переработать, поднять на должную высоту. Трудное

счастье иметь дело с архитектурой; мало каким другим способом его можно столь наглядно и телесно предъявить, как это удается лестницам.

Паттерны

«Лестница как сцена» – паттерны 125 и 133 у Кристофера Александра и Ко [3]. Сидеть на ступеньках – одно из традиционных развлечений людей. Хорошо сидеть на широкой лестнице вроде Испанской (что запрещено римскими властями с августа 2019): никому не помешаешь, никто не потревожит тебя, всех видишь и сливаешься с толпой. Сидение на узкой лестнице с высоким подступенком, напротив, придает сидящему значительность, прежде всего в его собственных глазах. Театры и амфитеатры приучают нас к этой привычке? Или лестница сама, своей театральной морфологией провоцирует присесть на нее, утомив до того? То есть вопрос опять об эйдосе и архетипе: откуда взялось это сидение, изначальное ли оно, или наведенное? Ведь ничто в архитектуре, кроме специализированной керамики, так не расположено к общению с интимным местом человеческого тела. А ступень – это элемент, никакая предметная «функция» которого, казалось бы, подобного отношения не предполагает!

Можно, конечно, присесть и на капитель – но лишь когда она стоит не на своем законном месте.

Лестница же всегда уместна. Неуместные лестницы не только разорительны и бессмысленны, но и кошмарны в точном значении: их место в ночных кошмарах, в снах-хоррорах (заметим здесь: бестелесные лестницы столь же ужасны, в частности, стекло – не материал для лестниц. И именно поэтому стеклянные лестницы еще долго нас не покинут!).

И все же лестнице надо отдать должное: это самый человеческий из элементов архитектуры. Ее параметры единственно привязаны к антропометрическим константам. Двери могут быть гигантскими или кукольными, любые помещения – безмерно высокими или ужасно низкими, просторными или крошечными, окна – щелями или витражами во весь фасад; капители и замковые камни, карнизы и кронштейны – все вообще детали построек бывают размером с Баальбекские блоки и со спичечный коробок. Ни ограничения мышечной силы человека, ни его чувства

^ Рис. 20. Monumento a Sandro Pertini. Альдо Росси. Милан. 1990

^ Рис. 21. Городская лестница в Гурзуфе.
Фото Петра Капустина

(подавленности или возвышенности) никогда ничего не запрещали в архитектуре. И только лишь размер подступенка способен свидетельствовать, для кого, для существа какого роста (прим. 6) и со сколькими конечностями строилась веками вся земная архитектура.

Старая лестница в древнем городе: ступени, истертые прошедшими поколениями, многовековые следы событий, отшлифованное подошвами время; мысль и чувство, талант и измена, вера и надежда... Арка, оставаясь над головой толп, сохраняет следы стрел и пуль, стена (хорошо, если не расстрельная) тоже; колонны, пилястры – все предметы случайных касаний, неудачных движений, негабаритных грузов и негарантированных авантур. Их следы могут быть множественны, а раны глубоки, но камень, постоянно и непрерывно, веками контактирующий с людьми, испытывающий всякий час их удары, топот, шарканье, знаком лишь лестнице и, пожалуй, порогу. Но лестницу, в отличие от иного порога, не перешагнешь; в ее копилку нельзя не сделать взнос: уж если кто-то великий прошел здесь, то вот этот камень наверняка контактировал с его ступней. Тому, что такие факты не перерастают в культ (а если перерастают, то лишь в силу неумеренного человеческого фетишизма), мы можем быть обязаны протяженной природе лестничного хронотопа: в нем все следы сохранены, но все и стерты, все смешались с потоком предшествующих и последующих контаминаций.

Примечания

1. Мало того, что школа и так является травматическим для сознания институтом, так еще и размещается обычно в зданиях, чей образ не отпускает и по ту сторону бодрствования. Спрашивается, достаточно ли разумна сегодняшняя тенденция форсирования образности школьных зданий, не повышает ли она детский травматизм? Стоит ли забывать о том, что стремление создать впечатление может оставить неизгладимые следы на всю жизнь?
2. Кому льстят лестницы? Карьеристам? Или тем, от кого зависят карьеры? Восходящий к старофранцузскому «каррьер» – каменоломня, глубокий провал, но также и каменная плита (carre) – краеугольный камень, основание, ступень, ступив на которую можно начать подъем со дна, восхождение... Словари указывают на происхождение русского «лестница» из старославянского «лѣствица», от глагола «лѣзть» («лѣзти») по схеме образования слов «звонница», «бритва», «битва»,

«конница». Буквально лестница – «то, с помощью чего лезут», то есть приставная конструкция (продвинутые исследователи находят в корнях слова отголоски двух столпов и перекладин между ними (см. [4]). Шагать, идти, бежать по лестнице – видимо, гораздо более позднее достижение.

3. Таков и новый «Vessel» Томаса Хизервика в Нью-Йорке – 2500 ступеней в никуда. Такие сооружения демонстрируют и неумирающую тягу к мифу лестницы, и неспособность достичь его.
4. Если не подставить предварительную опору. Но это уже к мостам.
5. Если возвращать архитектуре реальную субстанциальность, то в первую очередь – лестницам и стенам. Им пора дать возможность быть, наконец, самими собой, а не полигонами наших экспериментов.
6. Вариации по эпохам и нациям известны. Так, Корбузье все собиравшись дорости до ступеней Парфенона, но, потерпев в этом неудачу, выставил вперед своего гомункулуса – Модулора.

Литература

1. Капустин, П. В. Лабиринт // Проект Байкал. – 2018. – № 58. – С. 68-75
2. Серто, М. де. По городу пешком // Социологическое обозрение. – 2008. – Том 7. – № 2. – С. 24-38
3. Alexander, C., Isikawa, I., Silverstein, M. A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction. – London: Oxford University Press, 1978. – 1216 p.
4. Этимология слова Лестница // Энциклопедия латиниста. – URL: <http://littera.listbb.ru/viewtopic.php?f=7&t=1524> (дата обращения: 30.06.2022)

References

- Alexander, C., Isikawa, I., & Silverstein, M. (1978). A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction. London: Oxford University Press.
- De Certeau, M. (2008). Walking in the city. Sociological Review, 7(2), 24-38.
- Etimologiya slova Lestnitsa [Etymology of the word Staircase] (n.d.). Encyclopedia of the Latinist. Retrieved June 30, 2022, from <http://littera.listbb.ru/viewtopic.php?f=7&t=1524>
- Kapustin, P. (2018). Labyrinth. Project Baikal, 15(58), 68-75. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.58.1405>